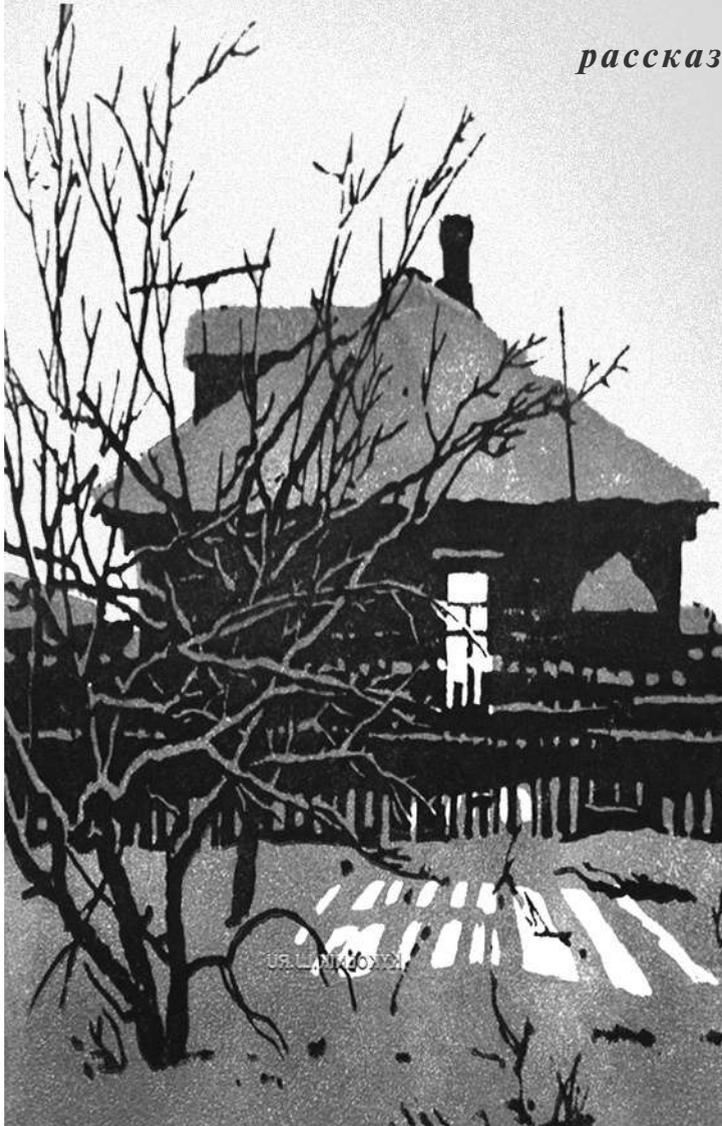

Наталья БАРАНОВА

г. Тамбов

СВЕТ В ДОМЕ НАПРОТИВ

рассказ

По обоим берегам реки раскинулись два села — Кулебяково и Пески. Хотя нет. Пески на село не тянуло, даже в свои самые расцветные годы это была деревня. А Кулебяково дворов на триста, растянулось на четыре километра на левом берегу. Всё здесь было: и свет, и газ, а по центральной улице, которая была одна, асфальт пролёг аж до самой трассы на областной центр. Пескам повезло меньше, если не сказать, что совсем не повезло. Они расположились на правом, самом живописном берегу реки, но что толку от этой живописи, если добраться до магазина-цивилизации можно двумя путями и оба непреодолимой силы: через реку или в объезд лесом — кругляя не один десяток километров. Летом ещё туда-сюда, а вот ранней осенью и с началом зимы, пока река не замёрзнет окончательно, ждать приходилось несколько недель, чтобы сходить за хлебом. На эти несколько недель запасались провизией заранее. Домов здесь было немного — штук двадцать, а жителей осталось сильно меньше — трое. Молодёжь подросла и уехала в поисках цивилизации: кто побойчее и расторопнее — в областной центр, многие смогли добраться и до Москвы. А остальные не преодолели притяжения малой родины и осели на левом берегу в Кулебякове. Из удобств, которыми пользовались во всем мире, в Песках был только свет. Остальные: дрова — в лесу, туалет — в саду, огород соток на сорок — сразу за садом. Земли вокруг много — бери сколько хочешь. Но никто её брать не хотел. Как говорил дед Семён: «В Гражданскую за неё с кровью пластались — глотку друг другу рвали, а теперь только собаки бегают, серють. Никому не нужна земляца, политая кровью».

Сначала деревня состарилась, а потом померла. И остались на живописном правом берегу только Митрич с Полканом, Семён с Нюрой и коровой Ласточкой.

В этот год зима не спешила — уже и декабрь к концу, а ни снегов больших, ни сильных морозов не было. Река никак не могла замёрзнуть до пешеходного состояния. Если смотреть на деревню издали, то казалось, что она вымерла. Но нет, два крайних дома дымили печными трубами.

— Ну что, Нюра, какое будет наше решение? Здесь будем зиму зимовать или к зятю на постой переберёмся? — Семён в стареньких подшитых

валенках сидел на скамеечке возле печки и подкидывал берёзовые чурочки в огонь.

С утра на кухне прохладно, он подзадержался с растопкой печи. Хозяином в доме был Семён, но последнее слово всегда оставалось за Нюрой. Так сложилось за долгие годы: жена не перечила, а муж был с ней согласен.

— Да что ты всё об одном и том же! Решили уже: река встанет — переберёмся к дочери в Кулебяково. Давно ведь звала. Дом большой, всем места хватит. А там, глядишь, понравится, и останемся жить навсегда. И опять же с печкой не возиться. Газ в доме. Хочешь — сделай газку «погромче», хочешь — «потихше». Всё в твоей власти. И магазин рядом — хлебушек свежий два раза в неделю, а не как сейчас — раз в месяц купим, сначала свежий, а потом сухари жуём.

— Магазин — это хорошо... — мечтательно улыбаясь, протянул Семён, соображая о чём-то своём.

Жена строго посмотрела, и он осёкся. Они поняли друг друга с полувзгляда. Давно живут, и ни одна потаённая мысль не может проскочить незамеченной.

Нюра только что подоила корову и разливала молоко по банкам — процеживала через марлю. Молока было много: вдвоём пить — не выпить. Летом дачники помогали — у ворот очередь стояла после каждой дойки, а как осень — масло и творог в деревню возили: сначала на лодке через реку, потом полем километров пять до Кулебяково. А зимой хоть криком кричи — молоко девать некуда. Кругом снега, и по полю с банками много не набегашь.

— А с коровой-то что делать будем? Её куда? — Семён чуть продвинул кочергой прогоревшие дрова в печи и засунул ещё один полешек.

— И корове место найдётся. Полный двор сараев. А сена ещё от дочкиной Бурёнки осталось. Хорошая корова была, да молодёжь сейчас не приучена скотину держать. Жаль, продали. Так что до весны прокормим. И ей хорошо, а нам ещё лучше. Молоко продавать будем, маслице. Все покупатели на месте, не надо через реку возить, сами на дом придут.

В сенцах стукнуло, заскрипели половицы, потом раздалось чертыханье — кто-то в темноте пытался найти ручку на двери.

— Вы чего без света сидите? Чуть лоб не рас-

шиб в темноте. — В комнату вошёл Митрич, пошаркал о половичок валенками, прошёл к столу. — Гостей не ждёте?

— Гостей не ждём, а соседям завсегда рады. — Нюра налила парного молока в кружку и протянула Митричу. — Ты нынче на речке был? Чего там со льдом, замёрзла?

— Ровно половина. Ещё неделки две морозов, и можете отправляться в странствие в поисках счастья на земле в виде газа, света и магазина через дорогу. Не передумали?

— Вот сидим думаем, но не передумали, — сказал Семён.

— А чего так долго думали? Надо было ещё по теплу отплывать. Корову к лодке привязал, пять минут — и все чады и домочадцы на том берегу. А теперь что? Тащи её через всё поле по морозу, пока добредёте, она либо сиськи отморозит, либо чихать начнёт.

— Хватит балагурить, — сердито сказала Нюра, — тебе легко рассуждать, сидя на пороге дома. А ты вот попробуй бросить всё да и податься незнамо куда... Тут ведь каждый гвоздь, каждая доска своими руками прибитая, каждый уголок родной...

— Чего ты, мать, причитаешь? Как это незнамо куда? К детям переезжаем... тьфу, переплываем. Поживём, пообвыкнем, и там все доски родными станут.

— Детям мешать — последнее дело. Старики, сколько могут, должны жить отдельно. — Митрич пил молоко и в шутку морщился. — Хорошее молоко, жирное, душистое, но много не выпьешь, это тебе не водка, — сказал он и протянул кружку Нюре, чтобы налила ещё.

— А зачем мешать? Дом большой, на два входа — ни они нам, ни мы им мешать не будем. Дом строили для двух детей, но дочка с зятем тут остались, а сынок в Москву подался. Там, видать, соль солонее да сахар слаще. Вот его половина и пустует, нас ждёт. — Нюра наполнила кружку Митричу и понесла банки с молоком в сенцы. С началом зимы там было прохладно, и она отключала холодильник. Небольшая, но всё ж таки экономия.

— Так, расклад я понял. Отходную когда собирать будете? На Руси так повелось — в дальнюю дорогу надо провожать с песнями и плясками, иначе дорога не будет скатертью и прирастание к

новому месту вызовет трудности. Гармонь не обещаю, но спеть могу, вы только стол накройте да чарочку на посошок налейте.

— Знаю я твою чарочку, потом неделю будете проважаться, а то и две, пока не закончится всё, что горит. — Нюра сердито гремела ведром, обмывая его от молока.

— Анна Васильна, ты чего серчаешь, я ж пошутил....

— Тут шути не шути, но обычай блюди! — радостно поддержал Семён.

— Без обычаев справимся. — Нюра строго посмотрела на него. — Нам бы только реку перейти, а там зять на машине встретит — снегу мало, проехать по полю можно, без отходной доберёмся.

Через две недели, как и обещал Митрич, река окончательно встала. Подождав для верности ещё неделю, чтобы лёд мог выдержать шествие из трёх человек, санок с узлами и коровы, Нюра с Семёном двинулись на новое место жительства в поисках цивилизации — света, газа и свежего хлеба. Процессия растянулась. Первым бежал Полкан, затем мужики тянули санки, замыкала шествие Нюра с Ласточкой. Зять уже ждал на левом берегу. Вещи и Нюру погрузили в машину и тронулись, а Семён с коровой пошёл следом.

Полкан долго бежал за ними, громко лая, стараясь с собачьими почестями проводить Ласточку.

— Молодец, Полкан, достойно проводил подружку. — Митрич ласково потрепал собаку, когда она вернулась. — Жаль, остались мы без молока... ты и я... Но вот помяни моё слово, не задержатся они там, а уж магазин через дорогу — это совсем пагубное дело... Никакой пенсии и никакого здоровья не хватит. Ну, ты меня понимаешь?

Полкан опустил хвост — наверное, понял...

Домой пошли не сразу. Сначала побрели вниз по реке до того места, где всё лето лагерем стояли рыбаки, побродили между брошенных домиков-шалашей, сделанных на скорую руку. И тут было запустение и тоска. До лета, когда здесь всё оживёт и можно будет приплыть к мужикам в гости, пообщаться, ещё далеко. Собака и Митрич оттягивали возвращение в дом, где их никто не ждал. Странное дело, их давно уже никто не ждал, но такого острого чувства одиночества не

было. Они всегда знали, что по соседству есть люди, к которым можно прийти, поговорить, и тебе не откажут ни в хлебе, ни в соли, ни в стопочке, ни в разговоре за «жизнь». Митрич не задумывался, как выглядит одиночество, но теперь понял: это когда смотришь в окно, а из трубы дома Семёна и Нюры дым не идёт и ни единого огонька вокруг. Войдя в комнату, он первым делом задёрнул занавески, чтобы не видеть чёрные провалы окон в соседнем доме.

Начались короткие зимние дни, которые тянулись бесконечно. Каждый новый день был похож на предыдущий. Выручали рыбалка и разговоры с Полканом. И всегда беседы начинались одинаково:

— Спорим, Полкан, что Анна Васильна там долго не выдержит? Женщины, они, конечно, выносливее мужчин, но слабее. Нервами. Если тебе интересно моё мнение, то она первой не вытерпит магазина через дорогу. Или ты думаешь, у Семёна здоровья не хватит пользоваться благами цивилизации? Чего молчишь и смотришь? Мигни хоть...

Полкан молчал и только стучал хвостом по полу.

Но всё когда-нибудь заканчивается. Закончилась как никогда долгая зима. А весной всегда легче: дни становились длиннее, лес в конце огорода зазеленел, птицы весело гомонили в саду. Старый Полкан частенько отсутствовал дома — бегал по округе, гонял зайцев, радовался теплу. На майские праздники зацвела черёмуха, а потом и сады в пустующей деревне оделись в белый пахучий наряд.

Митрич любил это время года. Красоту расцветов на реке не закрывали листья, и дурманящий запах цветущих деревьев плыл над рекой вместе с туманами. Он просыпался ещё засветло и шёл на рыбалку, но не так уж и нужна рыба. Ему хотелось видеть, как зарождается новый день: поют птицы, и громче всех соловьи; молочный туман разливается по реке, и по мере того как поднимается солнце, окрашивается в оранжевый цвет. Он родился, вырос и прожил жизнь на этой реке, но каждый раз удивлялся красоте раннего утра, как будто видел это впервые.

Сегодня река встретила его особенно густым туманом.

— Ты посмотри, Полкаша: туман как молоко. Даже поплавка не увидим. — Митрич вставил вёсла в уключины, оттолкнулся веслом от берега. Собака запрыгнула в лодку и приготовилась к длительному ожиданию. Ей было не привыкать — так начиналось каждое утро.

— Нет, собакен, сегодня мы не поплывём на наше прикормленное место — далековато, чую, сил не хватит грести потом против течения. А если рыбы не будет, то ничего страшного — ты её не ешь, а я её с детства объелся. Раньше Нюра выручала, ей отдавал. Она для Семёна жарила, а тот всё шутил... мол, уже в темноте от фосфора светится. А помнишь, мы в прошлом году наловили рыбы, а она вся с икрой, так Нюра меня ругала и два дня не разговаривала. А для меня гнев Нюры страшнее всякого рыбнадзора.

Собака, которая не успела устроиться на дне лодки, начала беспокоиться. Она привсталала и зарычала. Сквозь туман еле заметно просматривался противоположный берег, где проступало большое тёмное пятно. Митрич ещё ничего не понял, а Полкан уже радостно заливался лаем. На берегу стояла корова Ласточка, потом из тумана появились Семён и Нюра.

— Эй, эй, сосед! Ты сегодня чего-то припозднился! Мы уж все жданки съели, пока тебя дождались! — Семён в приветствии махал фуражкой.

— Привет беженцам от цивилизации! — закричал Митрич и, быстро развернув лодку, погрёб к противоположному берегу. — Это не мы припозднились, а вы раненко объявились. У нас с Полкашей всё строго по расписанию, и в нём гостей не предусмотрено. Мы вас через месяц ждали, когда вода теплее будет. Ласточка ж королева, а не морж.

— Давай греби уже, мы замёрзли, ожидаючися тебя! — кричала Нюра.

— Вот если б ты меня спросил, что такое счастье, — Митрич наклонился, обращаясь к Полкану, — так я б ответил: это когда тебя ждут на том берегу в тумане друзья. Ну, теперь, брат, заживём... У тебя на ужин молоко появится, у Нюры — рыба, а у нас с Семёном будет с кем поговорить. Ты не обижайся. И ты хороший собеседник — никогда не перечишь, всегда внимательно слушаешь, но уж больно

малоразговорчивый и без своего мнения, с которым не поспоришь.

В последнем рывке лодка уткнулась в берег. Первым выскочил Полкан, кинулся приветствовать друзей. Он гавкал, Ласточка мычала, Семён кричал что-то приветственное, Нюра смеялась. И эти звуки разносились далеко по реке. Вещей было мало, только два узелка в руках у Нюры и корова.

Митрич не скрывал радости от встречи.

— Я ж предупреждал, — сказал он, — что без проводов не приживётесь на новом месте.

Он сидел на вёслах и ждал, пока все погрузятся. Собака встала на нос лодки вперёдсмотрящей, корову привязали к сиденью. Так караваном и поплыли. Ласточке было холодовато, но она не сопротивлялась, молча плыла следом за лодкой.

— Поздно нам уже приживаться, надо продолжать жить. — Нюра восторженно смотрела на оранжевый туман, который разливался по реке. — Сколько живу, а такой красоты не видела...

— Такую красоту видят только рыбаки да влюблённые, ну, ещё рыбнадзор. — Митрич с усилием грёб; его старенькая плоскодонка не привыкла к такому грузу.

— Ты это... заканчивай с рыбалкой... приходи пить молоко. И Полкана не забудь. Нынче у всех праздник: вы нас дождались, а мы домой вернулись.

— Как же! Заканчивай! Теперь-то самая рыбалка и начнётся. Вы там поди истосковались без рыбы. Осётров не обещаю, а карасиков к столу привезу.

Они причалили к берегу, Митрич помог Нюре выбраться из лодки:

— А где ж весь скарб? Или решили назад вернуться?

— Какой назад?! Назад больше ни ногой! Зять на днях привезёт. Выходной будет, он и привезёт. А мы не могли ждать, так домой захотелось, хоть криком кричи, — сказала Нюра.

— Так это вы кричали? Я каждое утро слышал крики с той стороны! — рассмеялся Митрич.

— Тебе бы всё смеяться, а тут не до смеха, — ответил Семён. — Купишь бутылочку, а поделиться не с кем... Так и употребишь в одно лицо. То есть в одну печень... Вот она и не выдержала, — сказал Семён.

— Кто? Печень?

— Да нет же, Нюра. Но последней каплей стал счёт за газ. Всю зиму почтальонка квитанции в почтовый ящик кидала. Мы тех квитанций и в глаза не видели: дочь с зятем перехватывали. А в последний раз Нюра её возле ворот встретила. Так сказать, из рук в руки... извольте платить по счетам... И тут открылась тайна нашего финансового благополучия в размере трёх тысяч за газ, тыщца за свет, ну и, сам понимаешь... почти каждый день свежий хлеб и песни для души.

— Каждый день до песен? Представляю, Нюра, как тебе трудно было — у него ж ни слуха, ни голоса, — посочувствовал Митрич.

— Тут не смеяться надо, а плакать! — враз осерчала Нюра.

— Ну, ладно, ладно, не сердчай. Всё уже позади. Почтальонка сюда не доплывёт, а петь с Семёном мы будем раз в неделю по выходным и нечасто... по праздникам, — пообещал Митрич. — Идите домой, обживайтесь на своём родном новом месте, а мы с Полканом поплывём, рыбы наловим к ужину. И Ласточку предупредите — сегодня за встречу пьём только молоко, пусть побольше даст.

Нюра с Семёном и Ласточкой пошли через поле к дому, а Митрич с Полканом поплыли на прикормленное место за обещанными карасями.

После ужина, когда караси в сметане были съедены и вечернее молоко Ласточки выпито, прощаясь, Митрич сказал:

— Простите меня, дурака, это я напроорочил, что не будет вам счастья на новом месте.

— А всё наше счастье здесь, — ответила Нюра. — Но пока счастье выглядит как будни, не поймёшь, что оно было счастье.

— Мы тоже скучали. Правда, Полкан?

Полкан, который лежал у двери, поднял голову и высунул язык то ли от жары, то ли в радостном приветствии, а может, дразнился.

— Будем считать, что правда, — сказала Нюра.

Вернувшись домой, Митрич прошёл к окну и отдёрнул занавески.

— Иди сюда, Полкаша, глянь. Помнишь, я тебе утром сказал, что счастье — это когда на том берегу в тумане ждут друзья. Оно, конечно, хорошо... Но лучше, когда в доме напротив горит свет.

ВОСЬМОЙ ТРЕХ

рассказ

— ...Завтра помру, обмывать меня не надо, я уж и чистое надела, — сказала Евдокия Петровна.

Галка, накрывавшая стол к чаю, аж присела на стул от неожиданности. Она пришла проведать тётку, принесла продукты, конфеты, собиралась провести приятный вечер. Навещая Евдокию Петровну каждую неделю, иногда и два раза забегая, Галина видела, как одиноко и трудно та жила, старалась поддержать. Самой Галине тоже несладко жилось. Осталась после развода с двумя детьми, работать пришлось на двух работах, иначе на зарплату медсестры не прожить. Своих родителей она не помнила, маленькая была, когда они умерли, тётка осталась единственным родным человеком, и всегда хотелось порадовать её. Обычно радости были нехитрые — колбаса, сыр, хлеб и обязательно любимые конфеты «Ласточка». Конфетам баба Дуся особенно радовалась. Прячала в чемодан, что лежал под кроватью, в котором хранила всё самое ценное, а потом, когда Галка уже с детьми приходила к ней в гости, угощала, радуясь, что может побаловать их.

И вот теперь чай пили молча, не возвращались к теме завтрашней теткиной смерти, но на душе у Галины было беспокойно.

— Так ты попомни, обмывать меня не надо, чистая я, — перед уходом напомнила тётка.

Весь следующий день, чем бы ни занималась Галина, она вспоминала слова Евдокии Петровны: они тревожили. Ну как можно знать, помрёшь ты или нет?! Тётка была ещё сильная, сама справлялась по дому, весной посадила огород. Ни одного пустого клочка земли не оставила, урожай ждала хороший. Огород был подспорьем к её пенсии. Она с конца лета и всю осень продавала овощи и фрукты у поездов на станции. Правда, последнее время ей всё трудней стало носить вёдра, но она ухитрялась за день несколько раз сбегать с авоськой яблок или груш к поезду. Ка-

кая-никакая, а копейка собиралась за лето. И с чего это ей помирать? Давление последнее время скакало, но Галка перед уходом проверила: таблетки ещё есть.

Галина делала уколы, ставила капельницы, а сама всё больше и больше волновалась. К вечеру нервы совсем разошлись, так она себя накрутила. И решила пойти проведать тётку. На звонки и стук в дверь никто не откликнулся, но у неё был ключ — тётка когда-то дала на всякий случай. Вот и пришёл этот «всякий случай». Открыв дверь, Галя позвала тётку — та не откликнулась. В спальне... Она лежала в спальне на кровати в своем любимом платье, мирно сложив руки на груди. Галка растерянно смотрела на неё: она первый раз видела смерть родного человека так близко. За спиной хлопнула дверь: это была соседка, которая вошла, увидев, что входная дверь неплотно закрыта. Видя растерянность Галины, поняла, что та не знает, с чего начать, распорядилась:

— Первым делом надо обмыть покойницу, одеть в чистое. Ты посмотри, где-то должен лежать узелок, бабушки — они ведь заранее готовятся. У моего деда вон на чердаке и гроб годы стоял.

Галя потянула чемодан из-под кровати с богатством тётки, щёлкнули замки, и она увидела всё, что было нажито за долгую жизнь. Галке стало страшно. Такое богатство уже никому

не нужно, осталось сволочь его на помойку. И тут она вспомнила вчерашний настойчивый наказ тётки — не обмывать её.

— Нет. Ничего не надо, — захлопнув чемодан, сказала Галина. — Евдокия Петровна вчера предупредила, что сегодня помрёт и обмывать не надо, она всё уже сделала и чистое надела.

— Сама предупредила? — соседка смотрела на Галину как на сумасшедшую. — Отродясь такого не слышала, чтобы за день приготовиться к смерти. Ну да ладно. Но обмыть всё равно придётся... Это не от того, что она грязная, — обычай такой, и не нам его нарушать.

Они стали раздевать Евдокию Петровну. И вдруг на теле у неё под одеждой оказался пояс с кармашками. Деньги!.. Это были деньги, которые она всю жизнь откладывала на чёрный день.

— А говорят, в гробу карманов нет, — растерянно сказала соседка.

Галка плакала, жалея не себя, а тётку, которая прожила жизнь кое-как и померла, наверное, в муках, боясь расстаться с богатством, которое копила всю жизнь в ожидании чёрного дня, не заметив, как все светлые дни пролетели мимо.

Наталья Ивановна БАРАНОВА

родилась и живёт в Тамбове.

Окончила Московский государственный институт культуры.

По образованию — библиотекарь-библиограф.

Публиковалась в журналах «Москва», «Подъём», «Берега» и др.

Автор книг «Злокачественная форма одиночества» (2021),

«Жизнь прекрасна» (2023).

Член Союза писателей России.

В журнале «Север» публикуется впервые.

